

---

**КРИТИКА  
И БИБЛИОГРАФИЯ**

---

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:  
ЛУРИЯ А.Р. “ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.  
ОБЪЕКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ  
ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА”. М.: Когито-центр, 2002**

Перелом веков в России совпал со столетними юбилеями классиков отечественной психологии: Л.С. Выготского (1896–1934), П.Я. Гальперина (1902–1988), Б.В. Зейгарник (1900–1988), П.И. Зинченко (1903–1969), А.Н. Леонтьева (1903–1979). Недавно отмеченное столетие со дня рождения А.Р. Лурия (1902–1977) ознаменовалось для русскоязычного читателя не только выходом его уже известных трудов, но и знакомством с новой для нас работой, написанной ученым в возрасте 28 лет и вышедшей на английском языке к его тридцатилетию. Книга появлялась в США еще два раза – в 1960 и 1978 гг., но на русском языке она выходит впервые. Тот, кто познакомится с ее содержанием, обратит внимание и на подвижнический труд отечественных издателей, сохранивших все богатство мыслей А.Р. Лурия (не принятых и не воспринятых англоязычными читателями), учитывавших нюансы мыслей и экспериментальных методик в рукописи (не вычитанной по какой-то причине Александром Романовичем и включающей опечатки).

Важно другое: содержание этого классического труда не только не устарело, но и открывается новой гранью. Однако, прежде чем ее отметить (не претендуя на полноту и окончательность интерпретации), познакомимся с содержанием работы.

Книга начинается с введения, где ставится принципиально новая для психологических исследований того времени проблема организации и дезорганизации поведения. Уходя от многих устоявшихся парадигм подхода к анализу поведения, А.Р. Лурия выделяет в качестве единицы (“черты”) структурной организации поведения функциональную неравноценность регулирующей и реализующей его составляющих. “Совершенно понятно, что значение их в системе организации совершенно неодинаково и что всю деятельность организма можно понять лишь как динамическую систему, обусловленную деятельностью ее ведущих частей” (с. 24–25). Первые два слова из цитаты хотелось бы снять. И не только потому, что они повторяются в едином предложении. “Совершенно понятным” намеченный в данной исследовательской парадигме системный подход как раз мало кому был в то время понятен. Даже Л. фон Бергаланфи только в 1949 г. выпустил ра-

боту об общей теории систем, а принцип системности (системный подход) в рамках отечественной психологии начал разрабатываться еще позже. Но описание целей и задач исследования, теоретический и эмпирический инструментарий, тончайшие методики, улавливающие постоянно ускользающее единство речи и поступка, слова и поведения, достигнутые результаты и, наконец, уникальные приборы на основе разработанной автором сопряженно-моторной методики исследования аффективных реакций (послужившие и для создания пресловутого “детектора лжи”) – все это в комплексе свидетельствует: работа построена на принципах *системного подхода*. И только сейчас это “совершенно понятно”.

Первая часть книги – разработка проблемы психофизиологических основ аффекта. Казалось бы, тонкие, но и “изолированные” психофизиологические эксперименты? Да, и они. Но сначала выдвижение групповых аффектов, да еще социально детерминированных, – в качестве объекта исследования. Ситуация экзамена. Это известно и сегодня. Ситуация “чистки”. А это уже – особенности жизни 1920–1930-х гг.: о страхах тех лет можно лишь догадываться. Второй крупный объект для выявления специфики аффекта и его исследования – поведение преступника, третий – симптомология внушенного комплекса.

Сочетая столь разнородные данные на сравнительно узком пространстве исследования (что возможно лишь при системном подходе), автор и смог адекватно выявить динамику аффективных симптомов. Лурия правомерно утверждает, что распад поведения человека при остром аффекте – не случайная и хаотичная игра возбуждения и торможения. «Аффективное состояние вызывает в психофизиологической картине поведения весьма глубокие изменения, которые сводятся часто к изменениям самой структуры реактивных процессов. Основные правила, которые мы констатировали для аффекта, создают впечатление, что сложная организованная структура реактивных процессов, характерная для нормального человека, заменяется здесь примитивной, диффузной. Если в нормальном состоянии каждое возбуждение при переключении на моторную сферу подвергается некоторой задержке и центральной

переработке, то при аффекте оно обнаруживает тенденцию непосредственно дойти до моторного конца, захватить моторную сферу без всякой предварительной изоляции от нее. Если что-нибудь является специфичным для нейродинамики аффективных процессов, то это именно такая диффузная структура реактивных процессов, ослабление или повреждение “функционального барьера”, связанное с мобилизацией значительных, inadequate стимулов масс возбуждения» (с. 247).

Вторая часть книги анализирует психофизиологию конфликтных процессов. Автор ставит задачу выявления механизма конфликта и основных его “пружин”, ведущих к дезорганизации поведения и распаду структуры реактивного процесса. Для этого были проведены опыты с конфликтом установок и выявлением роли языковых средств в их регуляции; опыты с конфликтом недостаточности (например, истощением цепного ассоциативного ряда); выявлялись аффективные симптомы конфликта. Результаты проверялись в опытах с экспериментальными неврозами. Громадный, а в чем-то уникальный экспериментальный материал позволил выявить с должной степенью четкости структуру конфликтных процессов и их динамику.

Все это, в свою очередь, ставит задачу изучения корней дезорганизованного и организованного поведения. “Законы этой дезорганизации будут нам окончательно понятны лишь в том случае, если мы сможем дать их генетический анализ, подойдя к их изучению с историческим методом” (с. 388). Тем самым аффекты и конфликты предстают не только как вспышки психической энергии, но и как сгустки социального опыта и строящейся на нем регуляции поведения.

Данная часть книги побуждает к размышлениям о возможностях современных конфликтологических исследований. Десятки монографий, сотни статей и научных проектов в этом плане, на наш взгляд, обладают одним методологическим недостатком. А именно: конфликт изучается *после того*, как он обнаруживается. И соответственно с данной ретроспективой устанавливаются причины его появления и способы снижения его накала.

Дело обстоит сложнее, свидетельствует книга Лурия, надо изучать и социально-психологическую предрасположенность к конфликту, применяя для этого разработанный им инструментарий. Перенос этого инструментария и его модификация с учетом научных разработок в область конфликтологии, на наш взгляд, может открыть новую перспективу изучения данного сложнейшего социального явления, непредставимого без того, по каким законам циркулирует в нем психическая энергия. Это на порядок более сложная задача,

но не решать ее уже непозволительно – конфликты приобретают все более усложняющийся характер и обходятся обществу куда дороже, чем ранее.

Социальная практика предоставила А.Р. Лурия довольно узкий тоннель для этого анализа. Кто ему, например, позволил бы исследовать конфликт, вызванный коллективизацией? Или уже наметившимися репрессиями 1930-х годов?

Но все же в третьей части своего великого труда он не только поставил проблему овладения поведением, но и предложил свои способы ее решения. В начальной главе данной части книги развитие реактивных процессов рассматривается с опорой на опыты с ритмическими реакциями у ребенка, с простыми реакциями на сигнал и с замедленными движениями. Особенно примечательны результаты опытов с реакцией выбора, выявляющими структуру нейродинамических процессов, которые необходимы для возникновения высших форм интеллектуального поведения. Опыты показали: поведение детей становится организованным в результате развития функциональных барьеров. Они в дальнейшем и управляют распространением нервного возбуждения. Если вербально обозначить зафиксированный феномен, то его можно именовать процессом усвоения культурных навыков поведения. “Именно благодаря тому, что проблема организации поведения упирается, в конечном счете, в проблему овладения поведением, вопрос о нейродинамическом возрасте перестает быть вопросом биологическим и становится вопросом культурной переработки биологического фонда...” (с. 429).

Проанализировав такую двойственную природу функционального барьера, автор в заключительной главе ставит проблему *овладения поведением*. Суть его подхода можно сформулировать, используя слова Лурия, сказанные им в книге по иному поводу (с. 469): не надо допускать, чтобы сигнал, создающий интенцию, был сигналом, реализующим акт. Чем больше функциональных барьеров между этими сигналами – тем выше уровень культуры в социуме, тем легче избегать в нем конфликтов. Это наше толкование, но основания для него работа А.Р. Лурия (а ранее – немецкого психолога К. Левина, пожалуй, наиболее часто цитируемого в книге) дает.

Об этом свидетельствует и практически общепризнанная философская формула, надежно обосновываемая Лурия: “Непосредственные попытки овладеть всем своим поведением всегда приводят к отрицательным результатам; овладение поведением возможно лишь на опосредствованных путях” (с. 483–484). Характерно, что именно такого рода понятия и подходы нарочито не замечались американскими переводчиками, “смело” интерпрети-

рующими российского психолога. Вот уж поистине, камень, которым пренебрегли строители...

Однако надо сказать, что в рамках данной книги и автор не до конца решил задачу: как формировать умение перестраивать процесс поведения, заменяя непосредственное изживание аффекта, потребности или образа опосредствованным овладением своим поведением. Оно сводится к умению оперировать внешними знаками, знаками культурными. Речь, символ, поведенческий образец – примеры таких знаков. Поэтому столь весом и заключительный вывод книги: «Понять поведение человека в его деструкции и организации, не исходя из анализа ... культурно-психологических механизмов, невозможно; без них деструкция становится суммой физиологических симптомов, а организация – общим и ни к чему не обязывающим термином [...] Начав работу с психофизиологических фактов, мы пришли к их психологической интерпретации. Анализ сложнейших культурных механизмов оказался ключом к пониманию “простых” нейродинамических процессов» (с. 522). И этот вывод, на наш взгляд, носит *общеметодологический* характер.

Как раз сопряженностью тончайших экспериментов, смелых теоретических гипотез и глубоких выводов характеризуется данный великий труд А.Р. Лурия. Спасибо ему за книгу, которая не постарела, несмотря на три четверти века со своего появления на английском языке. Спасибо и тем, кто наконец-то донес ее до русскоязычного читателя.

Не исключено, что книгу придется переиздавать - что по нынешним временам чудо-чудное: не детектив и не сонник, даже не спекулирующее

на интересе к психологии пособие “Как завоевать мужчину (женщину)”. Книга действительно востребована ходом современной психологии, особенно в плане психологии социальной. И как бы хотелось в связи с этим представить предисловие российского автора, кроме умного предисловия американца М. Коула. (Более мелкое замечание: рецензенту так и не удалось найти библиографических сведений о трех выпусках сокращенных вариантов книги в США.) И еще одно: книге нужен предметный указатель. Он структурировал бы текст и выявил полнее богатство замысла автора и изящество его исполнения. Нелишне расширить и предисловие научного редактора, особенно относительно того, что осталось за рамками напечатанного в основном корпусе книги.

В заключение отметим: книга отвечает запросам сегодняшнего времени. И, в первую очередь, в плане переноса ее методов и разработок на другие области психологической науки, в первую очередь – в социальную психологию, и не только психологию. Ибо проблема изучения и предотвращения деструктивных конфликтов приобретает сверхактуальность, А.Р. Лурия выявил глубинные причины человеческих конфликтов, которые учитываются далеко не в полной мере: анализируются скорее вершки, а не корешки. Классик отечественной психологии А.Р. Лурия утверждает: этого недостаточно и от того, что сделал он почти три четверти века тому назад, суть дела не меняется. Прислушаемся же к Лурия и поучимся у него – есть чему.

*И.Е. Задорожнюк,*  
канд. философских наук, Москва